

Transients In Arcadia

O. Henry

В Аркадии проездом

О. Генри

Lingtrain Books

There is a hotel on Broadway that has escaped discovery by the summer-resort promoters. It is deep and wide and cool. Its rooms are finished in dark oak of a low temperature. Home-made breezes and deep-green shrubbery give it the delights without the inconveniences of the Adirondacks. One can mount its broad staircases or glide dreamily upward in its aerial elevators, attended by guides in brass buttons, with a serene joy that Alpine climbers have never attained. There is a chef in its kitchen who will prepare for you brook trout better than the White Mountains ever served, sea food that would turn Old Point Comfort — "by Gad, sah!" — green with envy, and Maine venison that would melt the official heart of a game warden.

На Бродвее есть отель, которого еще не успели обнаружить любители летних курортов. Он обширен и прохладен. Номера его отделаны темным дубом, холодным даже в полуденный зной. Ветерки домашнего изготовления и темно-зеленые живые изгороди дарят ему все прелести Адирондакских гор без присущих им неудобств. Ни одному альпинисту не дано изведать той безмятежной радости, какую испытывает человек, когда он взбирается по его широким лестницам или под бдительным оком опытного проводника с грудью, усаженной медными пуговицами, мечтательно уносится ввысь в одном из лифтов, точно в кабинке фуникулера. Здешний повар готовит такую форель, какой вам не попробовать даже в Белых горах Невады, его омары и другие дары моря заставят позеленеть от зависти «Олд-Пойнт-Комфорт» («Да будь я проклят, сэр!»), а оленина из штата Мэн могла бы смягчить и чиновничье сердце старшего лесничего.

A few have found out this oasis in the July desert of Manhattan. During that month you will see the hotel's reduced array of guests scattered luxuriously about in the cool twilight of — its lofty dining-room, gazing at one another across the snowy waste of unoccupied tables, silently congratulatory.

Этот оазис в пустыне июльского Манхэттена известен лишь избранным. И в течение июля немногочисленные гости отеля блаженствуют в прохладном сумраке величественного обеденного зала и созерцают друг друга через белоснежные пространства незанятых столиков, безмолвно радуясь своему единению.

Superfluous, watchful, pneumatically moving waiters hover near, supplying every want before it is expressed. The temperature is perpetual April. The ceiling is painted in water colors to counterfeit a summer sky across which delicate clouds drift and do not vanish as those of nature do to our regret.

Избыточный рай внимательных официантов на резиновом ходу спешит исполнить их малейшее желание еще до того, как оно будет высказано. Температура воздуха остается неизменно апрельской. На потолке в нежных акварельных тонах изображено летнее небо, и по нему плывут прелестные облачка, которые, в отличие от настоящих, не огорчают нас своим безвозвратным исчезновением.

The pleasing, distant roar of Broadway is transformed in the imagination of the happy guests to the noise of a waterfall filling the woods with its restful sound. At every strange footstep the guests turn an anxious ear, fearful lest their retreat be discovered and invaded by the restless pleasure-seekers who are forever hounding nature to her deepest lairs.

Приятный отдаленный рев Бродвее в воображении счастливых гостей преобразается в баюкающий рокот водопада под сенью леса. Они тревожно прислушиваются к незнакомым шагам, томясь опасением, что их приют обнаружен и сейчас в него вторгнутся те беспокойные искатели удовольствий, что без устали отслеживают нетронутую природу в самых сокровенных ее убежищах.

Thus in the depopulated caravansary the little band of connoisseurs jealously bide themselves during the heated season, enjoying to the uttermost the delights of mountain and seashore that art and skill have gathered and served to them.

Вот так каждый жаркий сезон горстка истинных знатоков ревниво прячется от посторонних глаз в опустевшем караван-сараяе, сполна наслаждаясь прелестями гор и морского побережья, которые сервируют им здесь искусство и усердие.

In this July came to the hotel one whose card that she sent to the clerk for her name to be registered read "Mme. Heloise D'Arcy Beaumont."

В июле нынешнего года отель одарила своим присутствием «мадам Элоиза д'Арси Бомон», как значилось на карточке, которую она послала портье для регистрации. Мадам Элоиза отвечала самым строгим требованиям отеля «Лотос».

Madame Beaumont was a guest such as the Hotel Lotus loved. She possessed the fine air of the elite, tempered and sweetened by a cordial graciousness that made the hotel employees her slaves. Bell-boys fought for the honor of answering her ring; the clerks, but for the question of ownership, would have deeded to her the hotel and its contents; the other guests regarded her as the final touch of feminine exclusiveness and beauty that rendered the entourage perfect.

Ей был присущ тонкий аристократизм, смягченный и оттененный истинной любезностью, которая тотчас превратила всех служащих отеля в ее рабов. Когда она звонила, коридорные дрались за честь явиться к ней в номер. Только законы, охраняющие частную собственность, мешали портье признать ее единовластной владелицей отеля и всего, что в нем находилось. Для гостей же в ней воплотился тот завершающий штрих женственности, избранности и красоты, которого только не хватало отелю для полного совершенства.

This super-excellent guest rarely left the hotel. Her habits were consonant with the customs of the discriminating patrons of the Hotel Lotus. To enjoy that delectable hostelry one must forego the city as though it were leagues away. By night a brief excursion to the nearby roofs is in order; but during the torrid day one remains in the umbrageous fastnesses of the Lotus as a trout hangs poised in the pellucid sanctuaries of his favorite pool.

Эта сверхидеальная гостья редко покидала отель. Ее привычки удивительно гармонировали с традициями взыскательных клиентов «Лотоса». Чтобы вполне насладиться благами этой изумительной гостиницы, необходимо игнорировать город, словно он находится от нее в десятках и десятках миль. Хороший тон разрешает краткое посещение соседнего увеселительного сада под покровом вечерней мглы. Но в дневную жару принято оставаться в тенистых пределах «Лотоса» — так форель неподвижно повисает под хрустальными сводами своей излюбленной заводи.

Though alone in the Hotel Lotus, Madame Beaumont preserved the state of a queen whose loneliness was of position only. She breakfasted at ten, a cool, sweet, leisurely, delicate being who glowed softly in the dimness like a jasmine flower in the dusk.

Мадам Бомон держалась в отеле «Лотос» особняком, но ее одиночество было одиночеством королевы — всего лишь прерогативой высокого сана. Она завтракала в десять — грациозное, томное, хрупкое создание, казалось, излучавшее в полутьме столового зала прохладный серебристый свет, словно цветок жасмина в сумерках.

But at dinner was Madame's glory at its height. She wore a gown as beautiful and immaterial as the mist from an unseen cataract in a mountain gorge. The nomenclature of this gown is beyond the guess of the scribe. Always pale-red roses reposed against its lace-garnished front. It was a gown that the head-waiter viewed with respect and met at the door. You thought of Paris when you saw it, and maybe of mysterious countesses, and certainly of Versailles and rapiers and Mrs. Fiske and rouge-et-noir. There was an untraceable rumor in the Hotel Lotus that Madame was a cosmopolite, and that she was pulling with her slender white bands certain strings between the nations in the favor of Russia. Being a citizeness of the world's smoothest roads it was small wonder that she was quick to recognize in the refined purlieu of the Hotel Lotus the most desirable spot in America for a restful sojourn during the heat of midsummer.

Но особенно великолепна была мадам Бомон за обедом. Ее платье было чарующим и эфирным, как перламутровая дымка над горным ущельем, где низвергается невидимый водопад. Из чего было сшито это платье, автор сказать не берется. К его отделанному кружевом корсажу неизменно бывали приколоты бледно-красные розы. Такие платья метрдотель почтительно встречает у самых дверей. При взгляде на него вашему воображению невольно рисовался Париж, а может быть, таинственные графини, и уж во всяком случае — Версаль, шпаги, миссис Фиск и рулетка. В отеле «Лотос» неведомо как возник слух, что мадам Бомон принадлежит к космополитическим кругам и что ее тонкие белые пальцы дергают некие международные нити в пользу России. Так надо ли удивляться, что, привыкнув к самым ровным и гладким путям мира, эта его гражданка сумела по достоинству оценить утонченную элегантность отеля «Лотос», лучшего места во всей Америке для спокойного отдыха в летнюю жару.

On the third day of Madame Beaumont's residence in the hotel a young man entered and registered himself as a guest. His clothing — to speak of his points in approved order — was quietly in the mode; his features good and regular; his expression that of a poised and sophisticated man of the world. He informed the clerk that he would remain three or four days, inquired concerning the sailing of European steamships, and sank into the blissful inanition of the nonpareil hotel with the contented air of a traveller in his favorite inn.

На третий день пребывания мадам Бомон в отеле туда явился и снял номер некий молодой человек. Его костюм (если перечислять достоинства вновь прибывшего в положенном порядке) был неброско модным, черты лица — красивыми и правильными, а их выражение — как раз таким, какое подобает человеку, привыкшему вращаться в высшем свете. Он сообщил портю, что намерен пробыть тут дня три-четыре, спросил расписание пароходов, отплывающих в Европу, и погрузился в сладостную нирвану несравненного отеля с удовлетворенным видом путешественника, который добрался до любимой придорожной харчевни.

The young man — not to question the veracity of the register — was Harold Farrington. He drifted into the exclusive and calm current of life in the Lotus so tactfully and silently that not a ripple alarmed his fellow-seekers after rest. He ate in the Lotus and of its patronym, and was lulled into blissful peace with the other fortunate mariners. In one day he acquired his table and his waiter and the fear lest the panting chasers after repose that kept Broadway warm should pounce upon and destroy this contiguous but covert haven.

Звали молодого человека — если не подвергать сомнению правдивость регистрационной книги — Гарольд Фаррингтон. Он вступил в медлительное струение жизни отеля «Лотос» столь тактично и бесшумно, что ни единый всплеск не потревожил слуха тех, кто, подобно ему, искал там тихого отдохновения. Он вкусил от творений шеф-повара и от цветка, который дал отелю его название, и, подобно остальным счастливым мореходам, предался баюкающей власти мирного покоя. Всего за день он обзавелся собственным столиком, собственным официантом и опасениями, что пыхтящие орды любителей отдыха, от которых обливается потом Бродвей, ринутся в этот географически столь близкий, хотя и укромный приют, неся ему гибель.

After dinner on the next day after the arrival of Harold Farrington Madame Beaumont dropped her handkerchief in passing out. Mr. Farrington recovered and returned it without the effusiveness of a seeker after acquaintance.

Мистер Фаррингтон жил в отеле второй день, когда мадам Бомон, выходя из зала после обеда, уронила носовой платок. Мистер Фаррингтон поднял платок и вручил его мадам Бомон без тех экспансивных излияний, которые сопровождают попытку завязать знакомство.

Perhaps there was a mystic freemasonry between the discriminating guests of the Lotus. Perhaps they were drawn one to another by the fact of their common good fortune in discovering the acme of summer resorts in a Broadway hotel. Words delicate in courtesy and tentative in departure from formality passed between the two. And, as if in the expedient atmosphere of a real summer resort, an acquaintance grew, flowered and fructified on the spot as does the mystic plant of the conjuror. For a few moments they stood on a balcony upon which the corridor ended, and tossed the feathery ball of conversation.

Быть может, избранников, собравшихся под кровом отеля «Лотос», связывало некое мистическое сродство душ. А может быть, ощущение общности возникло из сознания, что фортуна равно улыбнулась им, приведя их в этот бродвейский курорт курортов. Мадам Бомон и мистер Фаррингтон обменялись словами, исполненными изысканной любезности и чуть заметного намека на возможность пренебречь сухими требованиями этикета. И как бы оваянное непринужденной атмосферой настоящего летнего курорта, знакомство это дало ростки, расцвело и принесло плоды в единый миг, точно апельсинное деревце при взмахе волшебной палочки в руках фокусника. Они вышли на балкон, которым завершался коридор, и несколько минут перебрасывались воланом светской беседы.

"One tires of the old resorts," said Madame Beaumont, with a faint but sweet smile. "What is the use to fly to the mountains or the seashore to escape noise and dust when the very people that make both follow us there?"

— Все эти старые курорты так надоедают,— сказала мадам Бомон со слабой, но прелестной улыбкой.— Какой смысл бежать в горы или на берег моря от шума и пыли, если люди, которые их поднимают, следуют за нами и туда?

"Even on the ocean," remarked Farrington, sadly, "the Philistines be upon you. The most exclusive steamers are getting to be scarcely more than ferry boats. Heaven help us when the summer resorter discovers that the Lotus is further away from Broadway than Thousand Islands or Mackinac."

— Даже океан уже больше не служит убежищем от плебеев,— печально изрек Фаррингтон.— Теперь даже самый фешенебельный пароход трудно отличить от паромов. Да смилуется над нами небо, когда гиены летнего отдыха обнаружат, что «Лотос» находится куда дальше от Бродвея, чем Тысяча островов и Макинак.

"I hope our secret will be safe for a week, anyhow," said Madame, with a sigh and a smile. "I do not know where I would go if they should descend upon the dear Lotus. I know of but one place so delightful in summer, and that is the castle of Count Polinski, in the Ural Mountains."

— Надеюсь, наша тайна останется неприкосновенной еще неделю,— заметила мадам Бомон со вздохом и улыбкой.— Право, не представляю, где я могла бы укрыться, если бы они наводнили милый «Лотос». Мне известно лишь одно место, столь же восхитительное летом,— замок графа Палинского среди Уральских гор.

"I hear that Baden-Baden and Cannes are almost deserted this season," said Farrington. "Year by year the old resorts fall in disrepute. Perhaps many others, like ourselves, are seeking out the quiet nooks that are overlooked by the majority."

— Говорят, Баден-Баден и Канн в этом сезоне совсем обезлюдели,— сказал Фаррингтон.— Из года в год старые курорты все больше приходят в запустение. Быть может, не мы одни ищем тихие приюты, неизвестные толпе.

"I promise myself three days more of this delicious rest," said Madame Beaumont. "On Monday the Cedric sails."

— Я могу предаваться этому восхитительному отдыху еще три дня,— сказала мадам Бомон.— «Седрик» отплывает в понедельник.

Harold Farrington's eyes proclaimed his regret. "I too must leave on Monday," he said, "but I do not go abroad."

Глаза Гарольда Фаррингтона выразили всю глубину его сожаления. — Я также должен отбыть в понедельник,— сказал он.— Но не за границу.

Madame Beaumont shrugged one round shoulder in a foreign gesture.

Мадам Бомон повела круглым плечом на иностранный манер.

"One cannot bide here forever, charming though it may be. The chateau has been in preparation for me longer than a month. Those house parties that one must give — what a nuisance! But I shall never forget my week in the Hotel Lotus."

— Скрываться здесь вечно, увы, нельзя, хоть это и восхитительно! Уже более месяца как chateau [замок (фр.)], заново отделанный, ждет меня. Устраивать загородные приемы — как это скучно! Но я никогда не забуду этой недели в отеле «Лотос».

"Nor shall I," said Farrington in a low voice, and I shall never forgive the Cedric."

— И я никогда не забуду,— сказал Фаррингтон вполголоса,— как никогда не прощу «Седрику».

On Sunday evening, three days afterward, the two sat at a little table on the same balcony. A discreet waiter brought ices and small glasses of claret cup.

Вечером в воскресенье, три дня спустя, они сидели за маленьким столиком на том же балконе. Вышколенный официант, поставив перед ними мороженое и два бокала с крюшоном, тактично удалился.

Madame Beaumont wore the same beautiful evening gown that she had worn each day at dinner. She seemed thoughtful. Near her hand on the table lay a small chatelaine purse. After she had eaten her ice she opened the purse and took out a one-dollar bill.

На мадам Бомон было то же чудесное вечернее платье, которое она ежедневно надевала к обеду. На столике рядом с ней лежал изящный кошелек с цепочкой. Доев мороженое, она открыла кошелек и вынула бумажный доллар.

"Mr. Farrington," she said, with the smile that had won the Hotel Lotus, "I want to tell you something. I'm going to leave before breakfast in the morning, because I've got to go back to my work. I'm behind the hosiery counter at Casey's Mammoth Store, and my vacation's up at eight o'clock tomorrow. That paper-dollar is the last cent I'll see till I draw my eight dollars salary next Saturday night. You're a real gentleman, and you've been good to me, and I wanted to tell you before I went. I've been saving up out of my wages for a year just for this vacation. I wanted to spend one week like a lady if I never do another one. I wanted to get up when I please instead of having to crawl out at seven every morning; and I wanted to live on the best and be waited on and ring bells for things just like rich folks do. Now I've done it, and I've had the happiest time I ever expect to have in my life. I'm going back to my work and my little hall bedroom satisfied for another year. I wanted to tell you about it, Mr. Farrington, because I — I thought you kind of liked me, and I — I liked you. But, oh, I couldn't help deceiving you up till now, for it was all just like a fairy tale to me. So I talked about Europe and the things I've read about in other countries, and made you think I was a great lady.

— Мистер Фаррингтон,— сказала она с той самой улыбкой, которая покорила отель «Лотос»,— мне надо вам кое-что рассказать. Утром я уеду еще до завтрака, потому что мне пора возвращаться на работу. Я работаю в универсальном магазине Кейси, в чулочном отделе, и мой отпуск кончается завтра в восемь. Этот доллар — все, что у меня осталось до следующей субботы. А получу я тогда восемь долларов. Вы настоящий джентльмен и были со мной таким хорошим, что я решила на прощанье рассказать вам правду. Я целый год во всем себя урезывала, чтобы скопить деньги на этот отпуск. Мне хотелось хоть один раз недельку пожить как знатная леди. Чтобы вставать, когда я пожелаю, а не вскакивать с постели каждый божий день в семь утра. И чтоб все было самым лучшим, и чтоб меня обслуживали, а я бы только звонила в звонок, как богатые дамы. Ну вот я и пожила так, и, наверное, такой счастливой недели у меня больше в жизни не будет. Теперь я вернусь на работу и в свою комнатку, но этой радости мне на год хватит. А я вам решила сказать все потому, мистер Фаррингтон, что я... что мне показалось, будто я вам нравлюсь, а вы... вы мне тоже нравитесь. Наверное, надо сразу было сказать вам все начистоту, только я ведь жила точно в сказке. Ну вот я и разговаривала про Европу и о том, о чем читала в книжках про разные страны, и делала перед вами вид, будто я графиня какая-нибудь.

"This dress I've got on — it's the only one I have that's fit to wear — I bought from O'Dowd & Levinsky on the installment plan."

А это платье — другого приличного у меня и нет — я купила у ОДоуда и Лавинского в рассрочку.

"Seventy-five dollars is the price, and it was made to measure. I paid \$10 down, and they're to collect \$1 a week till it's paid for. That'll be about all I have to say, Mr. Farrington, except that my name is Mamie Siviter instead of Madame Beaumont, and I thank you for your attentions. This dollar will pay the installment due on the dress to-morrow. I guess I'll go up to my room now."

Стоит оно семьдесят пять долларов и сшито по мерке. Я внесла наличными десять, а теперь буду отдавать им по доллару в неделю, пока не расплачусь. Вот и все, мистер Фаррингтон, кроме того только, что зовут меня не мадам Бомон, а Мэйми Сайвитер, и позвольте поблагодарить вас за ваше внимание. Этот доллар пойдет завтра в первый взнос за платье. А теперь я, пожалуй, вернусь к себе в номер.

Harold Farrington listened to the recital of the Lotus's loveliest guest with an impassive countenance. When she had concluded he drew a small book like a checkbook from his coat pocket. He wrote upon a blank form in this with a stub of pencil, tore out the leaf, tossed it over to his companion and took up the paper dollar.

Гарольд Фаррингтон слушал исповедь лучшего украшения отеля «Лотос», но лицо его оставалось непроницаемым. Когда девушка умолкла, он вытащил из кармана небольшую книжку, похожую на чековую. Огрызком карандаша он что-то нацарапал на бланке, оторвал листок, придвинул его своей собеседнице и взял доллар.

"I've got to go to work, too, in the morning," he said, "and I might as well begin now. There's a receipt for the dollar instalment. I've been a collector for O'Dowd & Levinsky for three years. Funny, ain't it, that you and me both had the same idea about spending our vacation? I've always wanted to put up at a swell hotel, and I saved up out of my twenty per, and did it. Say, Mame, how about a trip to Coney Saturday night on the boat — what?"

— Мне тоже с утра на работу,— сказал он,— так можно начать и сейчас. Вот квитанция за взнос в один доллар. Я четвертый год работаю у ОДоуда и Лавинского сборщиком платежей. А интересно, что мы с вами одинаково придумали, как провести отпуск, верно? Я давно прицеливался пожить в шикарном отеле, ну и откладывал из своих двадцати процентов комиссионных. Послушайте, Мэйми, а не прокатиться ли нам вечером в субботу на Кони-Айленд? На пароход?

The face of the pseudo Madame Heloise D'Arcy Beaumont beamed.

Лицо лжемадам Элоизы дАрси Бомон просияло.

"Oh, you bet I'll go, Mr. Farrington. The store closes at twelve on Saturdays. I guess Coney'll be all right even if we did spend a week with the swells."

— Ну конечно, мистер Фаррингтон! По субботам магазин закрывается в двенадцать. Кони-Айленд — это тоже ничего, хоть мы и прожили неделю со всякой знатью.

Below the balcony the sweltering city growled and buzzed in the July night. Inside the Hotel Lotus the tempered, cool shadows reigned, and the solicitous waiter single-footed near the low windows, ready at a nod to serve Madame and her escort.

Под балконом в духоте июльского вечера рычал и гремел изнывающий город. Внутри отеля «Лотос» царил приятный прохладный сумрак, и услужливый официант неспешно прогуливался за стеклянной дверью, готовый по кивку выполнить любой заказ мадам Бомон и ее кавалера.

At the door of the elevator Farrington took his leave, and Madame Beaumont made her last ascent. But before they reached the noiseless cage he said: "Just forget that 'Harold Farrington,' will you? McManus is the name — James McManus. Some call me Jimmy."

Фаррингтон распрощался с мадам Бомон у лифта, и она последний раз вознеслась в свой номер. Но еще раньше, когда они подходили к бесшумной кабине, он сказал: — А про «Гарольда Фаррингтона» забудьте, ладно? Моя фамилия Мак-Манус, Джеймс Мак-Манус. Некоторые называют меня Джимми.

"Good-night, Jimmy," said Madame.

— Спокойной ночи, Джимми,— сказала мадам Бомон.